

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

повествующая о том, как путники попали в логово тигра, как Дух Вечерней звезды спас их от опасности, а также о том, как охотник с горы Шуньчалин пригласил к себе Сюань-цзана

Приказом Танского императора Сюань-цзану предлагалось отправиться на поклонение основателю религии.

Сюань-цзан во время дальних странствий

Видел цель перед собой одну:

Дал рескрипт ему владыка Танский —

Сакья-муни посетить страну.

Путника дорога пролежала

Через множество далеких стран,

И порой его на перевалах

Облачный окутывал туман.

Но держал он твердо направленье

К западу, одну мечту тая.

Вникнуть в суть буддийского ученья

И постигнуть смысл небытия.

Итак, Сюань-цзан покинул Чанъань за три дня до полнолуния девятой луны в тринадцатом году правления Чжэньгуаня. До городских ворот его провожал сам император со своей свитой. После двух дней тяжелого пути они добрались, наконец, до монастыря Фамынь. Настоятель, окруженный множеством монахов,— их было больше пятисот,— вышел ему навстречу. Монахи выстроились в два ряда. Сюань-цзана провели в храм, предложили ему чаю, а затем устроили роскошную трапезу, которая закончилась лишь к вечеру. Что за картина открылась взорам всех собравшихся!

В мерцанье чистых звезд водой речною

Небесная Река отражена,

Блестящей, без единого пятна

Окрестность озаряется луною...

А в небе — одинокий дикий гусь,

Пронесся звонко крик его печальный;

Однообразьем навевает грусть

Стук равномерный дальней наковальни.

И стаи птиц летят издалека

К своим гнездовьям, и в покое полном

Монахи на коврах из тростника

Псалмы читают далеко за полночь...

Зажгли огни. Монахи вели беседу о законах буддизма и обсуждали предстоящее путешествие Сюань-цзана. Говорили о широких реках, через которые ему придется переправиться, о неприступных горах, о тиграх, барсах и других диких зверях, которыми кишат дороги. Рассказывали об опасных, трудно проходимых горах и пропастях, о непобедимых свирепых духах и демонах. Сюань-цзан сидел молча, он не произнес ни единого слова и лишь, указывая пальцем на свое сердце, качал головой. Монахи не могли понять, что хочет сказать Сюань-цзан и, почтительно сложив руки, обратились к нему:

— Учитель, соблаговолите объяснить нам вашу мысль.

— Когда в сердце возникают желания или чувства, непременно появляются духи, — отвечал Сюань-цзан. — Но если же лания уничтожены, духи исчезают. В монастыре Хуашэнсы я торжественно поклялся перед изображением Будды выполнить свою миссию, какие бы трудности ни возникали передо мной. Раз уж я пустился в путь, то должен во что бы то ни стало добраться до Индии, увидеть Будду и попросить у него священные книги, что бы его учение могло свободно распространяться и обеспечить нашему священному государству прочное и вечное царствование. Эти слова привели монахов в восторг.

— Верный, доблестный священнослужитель! — восклицали они, провожая Сюань-цзана после беседы на покой.

На рассвете, когда серп луны скрылся в зарослях бамбука, пропел петух и заря окрасила облака, монахи приготовили утреннюю трапезу. Сюань-цзан облачился в рясу, прошел в храм и, склонившись перед статуей Будды, промолвил:

— Ученик твой Сюань-цзан отправился в трудный путь за священными книгами. Однако мои невежественные глаза еще не удостоились лицезреть живого Будду. Торжественно клянусь в каждой кумирне, которую встречу по дороге, возжигать фимиам и совершать поклоны перед каждым изображением Будды, а также наводить порядок в каждой пагоде. Молю тебя, Будда, яви милосердие и образ свой в золотом сиянии, пожалуй мне священные книги и помоги доставить их в Китай.

Окончив молитву, Сюань-цзан вернулся в келью и приступил к трапезе. После трапезы спутники Сюань-цзана оседлали для него коня и все они поспешили в путь. За воротами монастыря Трипитака стал прощаться с монахами. Однако те никак не хотели расставаться с

ним и лишь проводив его за целых десять ли, со слезами на глазах простились. Сюань-цзан отправился прямо на Запад. Стояла уже поздняя осень.

В деревнях поникли деревья,
Опадают цветы тростника,
Листву на сырую землю
Роняют осенние клены.
Встреча с друзьями
В пути в эту пору редка,
Видны только цветы хризантем
И хребта силуэт отдаленный.
Лотос замерз,
И на сердце печаль и тоска,
В белом инее красная ряска,
Под снегом осока,
Камнем падает утка,
Туманом подернут закат,
Облака пролетают тоскливые
В небе далеком.
Улетают от холода лебеди,
Ласточка к югу стремится,
Ночь спускается быстро —
Умолкли и люди и птицы.

Через несколько дней они достигли города Гунчжоу. Власти и население вышли за городские ворота встретить Сюань-цзана.

Отдохнув за ночь, они на следующее утро отправились дальше.

Проголодавшись, Сюань-цзан и его спутники останавливались, чтобы утолить голод и жажду. С наступлением ночи они располагались на отдых, а на рассвете продолжали свой путь. Вскоре они достигли заставы Хэчжоу. Здесь в Танскую эпоху проходила государственная граница. Командующий местной пограничной охраной и монахи, заранее узнав о прибытии посланца и побратима императора, следующего на Запад повидать Будду, устроили Сюань-цзану

торжественную встречу и с почетом проводили его в монастырь Фуюаньсы, чтобы он отдохнул там. После того как все монахи по очереди представились Сюань-цзану, был устроен ужин. После ужина Сюань-цзан велел своим спутникам накормить коня и сказал, что они отправятся дальше до рассвета.

И действительно, как только пропел петух, Сюань-цзан разбудил своих спутников, а за ними поднялись и все остальные монахи. Они быстро приготовили чай, закуски и пригласили гостей позавтракать. После завтрака отправились в путь и выехали за заставу.

Они выехали так рано потому, что Сюань-цзан очень спешил.

Стояла уже глубокая осень, в это время года петух поет раньше, чем обычно, во всяком случае не позднее четвертой стражи. Все вокруг было покрыто инеем, который сверкал при ярком свете луны. Пройдя несколько десятков ли, путники увидели перед собой горный кряж. Здесь дороги уже не было и приходилось прокладывать себе путь, раздвигая высокую траву. Шли они по извилистым, крутым и труднопроходимым горам. Вдруг им показалось, что они сбились с пути. И вот, когда они остановились в нерешительности, обсуждая, что им делать, земля у них под ногами заколебалась, и они все вместе с конем полетели в глубокую яму. Сюань-цзан растерялся, его спутники дрожали от страха. Не успели они опомниться, как неожиданно услышали свирепые крики:

— Хватайте их! Тащите!

В тот же миг на них вихрем налетела целая толпа чудовищ. Они выволокли Сюань-цзана и его спутников вверх. Чуть живой от страха Сюань-цзан огляделся вокруг и увидел возвышавшегося над другими Князя демонов. Он был поистине страшен.

Он кричал так ужасно, что душа Сюань-цзана от страха ушла в пятки, у спутников его подкосились ноги, а руки беспомощно повисли. По приказу Князя демонов чудовища связали пленников и собрались их сожрать, как вдруг услышали снаружи какой-то шум. Кто-то сообщил, что это прибыли властитель Медвежьей горы и молодой Бык-отшельник. Сюань-цзан поднял голову и увидел перед собой черную фигуру.

Противников он сразу потрясал

Свирепым видом, телом мускулистым,

Неутомимо бегал по лесам,

Играя силой,— радостен, неистов.

Легко одолевал потоки вплавь...

Богатыря достойный, крепким станом

И мощью никому не уступал,

Не мыслил он, что эти дни настанут,

Что грезы и мечты увидит въявь.

Выхватывал стволы деревьев с корнем,

О холодах задолго узнавал,—

И духи слушались его покорно.

По праву звался он Владыкой горным!

Поэтому-то он и назывался властителем горы. За ним следовал здоровенный детина.

Торчат на шлеме выше гор рога,

Могучий стан попоною прикрыт,

Вся внешность и спокойна и строга,

Тверда походка, громок стук копыт.

Зовется ныне по отцу Быком,

Коровой прежде звался он, как мать,

С работой в поле хорошо знаком,

Быком-отшельником его привыкли звать.

Князь демонов поспешил им навстречу.

— Ну как, полководец Инь, кажется, как всегда, везет? Могу поздравить вас с удачей!

— У вас замечательный вид,— поддержал приятеля Бык-отшельник.— Это чрезвычайно приятно!

— А как ваши дела? — спросил в свою очередь Князь демонов. — Да так, пробавляемся кое-как,— ответил властитель горы.

— Тянемся понемногу,— поддакнул Бык-отшельник.

Они сели, продолжая шутить и разговаривать. Вдруг один из спутников Сюань-цзана, которого скрутили веревками, завопил от боли.

— Как они сюда попали? — спросил черный.

— Сами заявили — отвечал князь.

— Так, может быть, угостите нас? — со смехом сказал Бык-отшельник.

— Сделайте одолжение! — промолвил князь.

— Но за один раз нам их не съесть,— проговорил властитель Медвежьей горы.— Расправимся вначале с двоими, а одно- го, пожалуй, оставим?

Князь отдал приказ. Чудовища тотчас же разделали туши двоих спутников Сюань-цзана, вынули у них сердце, печень. Голова, сердце и печень были предложены гостям, а ноги и руки хозяин взял себе. Остальное разделили между чудовищами. Заскрежетали челюсти, защелкали зубы, казалось, тигр пожирает пойманную им овцу. Очень скоро пир закончился. Сюань-цзан был ни жив ни мертв от страха. Но это было лишь первым испытанием после его отъезда из Чанъаня.

Когда Сюань-цзан был уже в полном отчаянии, на востоке начала заниматься заря. Чудовища исчезли.

— Ну и попиروвали мы сегодня,— расходясь говорили между собой чудовища.— Завтра продолжим.

После этого все они удалились. Вскоре над небосклоном появился красный диск солнца. Сюань-цзан от страха был почти без сознания и потерял уже всякую надежду на спасение, когда вдруг появился какой-то старец с посохом в руках. Подойдя к Сюань-цзану, он протянул руку, прикоснулся к веревкам, и они тотчас же упали. Потом он дунул в лицо Сюань-цзана, тот словно ожил и упал перед своим спасителем на колени:

— Благодарю вас, почтенный старец,— говорил он,— вы спасли мне жизнь.

Ответив на его поклоны, старец молвил:

— Встаньте и скажите мне, не потеряли ли вы что-нибудь?

— Двух моих спутников,— отвечал Сюань-цзан,— сожрали чудовища. А где мои вещи и мой конь, я не знаю.

— Лошадь и два тюка находятся вон там,— сказал старец, указывая посохом.

Сюань-цзан посмотрел в том направлении, куда указывал старец, и действительно увидел, что его конь и тюки целы и невредимы. Успокоившись немного, он спросил старца:

— Скажите, почтенный человек, как называется эта местность? И откуда вы явились сюда?

— Это место называется Хребет двух вилок,— отвечал старец.— Оно кишит тиграми и волками. Как это вас занесло сюда?

— Мы встали сегодня с петухами,— стал объяснять Сюань-цзан,— и вышли за заставу Хэчжоу. Было еще очень рано и пришлось идти по дороге, покрытой инеем. Мы заблудились и вот неожиданно очутились в этом месте. Тут мы попали в лапы к Князю демонов, страшному и свирепому. Его чудовища свя-зали нас. Затем пришел какой-то черный человек, которого называли властитель Медвежьей горы, и с ним здоровенный детина по прозвищу Бык-отшельник. Князя демонов они называли командующим Инем. Втроем они съели двух моих спутников, а когда стало светать, исчезли. Вот уж не ожидал, что судьба будет так милостива ко мне. Я глубоко благодарен вам, почтенный отец, за то что вы спасли мне жизнь.

— Бык-отшельник — это Дух быка,— сказал старец,— властитель Медвежьей горы — Дух медведя, а полководец Инь — Дух тигра. Остальные чудовища — духи различных зверей и деревьев. Чистота вашей внутренней природы лишила их возможности съесть вас. А сейчас ступайте за мной, я выведу вас на правильный путь.

Преисполненный благодарности, Сюань-цзан увязал тюки и, взяв коня за повод и без труда следуя за старцем, вышел на дорогу. Сюань-цзан отвел коня в сторону, привязал его и хотел было совершить перед старцем поклоны, но тот превратился в ветерок и, оседлав белого журавля с красной головой, вознесся на небо. Затем Сюань-цзан увидел листок бумаги, который, трепыхаясь на ветру, упал с неба. На листке было написано: «Я — Дух Вечерней звезды с Запада и прибыл сюда для того, чтобы спасти вашу жизнь. На всем вашем пути небесные силы будут оказывать вам помощь; они будут ограждать вас от всевозможных опасностей».

Прочитав это, Сюань-цзан трижды поклонился небу.

— Благодарю тебя, Дух Вечерней звезды, за то, что ты избавил меня от смертельной опасности. — И, взяв под уздцы коня, Сюань-цзан отправился дальше совершенно один, навстречу всем тем превратностям, которые предстояло ему встретить по пути, рискуя собственной жизнью.

Разлился в чаще леса холодок,
Как будто бы прошел внезапный ливень,
И где то вдалеке шумел поток
На перекатах — быстрый и бурливый.
Прохладный ветер аромат цветов,
Росой обрызганных, донес с полянки,
Утес нагромоздился на утес,
На склонах гор высоких, в беспорядке.

Из глубины лесной во тьме неслись
Стай обезьяньих яростные крики,
А на лугу сверкающем неслись
Пугливые стада оленей диких
Неугомонный щебет птиц летел
Из густоты ветвей, с деревьев ближних,
И о желанной близости людей
Не говорил здесь ни малейший признак.
В лесу густом стоял опасный мрак,
И сердце у святого трепетало,
Коню с трудом давался каждый шаг,—
Частенько спотыкался конь усталый...

Добрую половину дня Сюань-цзан взбирался на высокий хребет, не встретив на своем пути никаких признаков человеческого жилья. Он проголодался. Дорога становилась все более крутой и труднопроходимой. Сюань-цзан стал выбиваться из сил и вдруг услышал где-то неподалеку рыканье тигров, а оглянувшись, увидел нескольких огромных извивающихся змей. Но это было еще не все. Слева от него ползали какие-то ядовитые гады, а справа — появился чудовищный зверь. Одному ему, конечно, было не под силу справиться со всеми этими зверями, гадами и чудовищами, поэтому ему не оставалось ничего другого, как положиться на свою судьбу. У коня от страха подкосились ноги, и он опустился на землю. Сколько Сюань-цзан ни хлестал его, как сильно ни тянул за повод, конь не двигался с места. Сюань-цзан понял, что положение критическое и что в этом глухом, заброшенном месте неоткуда ждать спасения. Но спасение пришло. Вдруг все дикие звери и гады разбежались в разные стороны. Исчезли свирепые тигры, уползли огромные змеи. Подняв голову, Сюань-цзан увидел выходящего из-за холма человека с рогатиной в руках, с луком и стрелами у пояса. Выглядел он настоящим молодцом.

Леопарда шкурой пятнистой
Верх его головы покрыт,
Страшен в злобе своей неистовой —
Вылезают глаза из орбит
Носит он расшитый узорами
Из овечьей шерсти халат,
Как у духа речного, в стороны

Борода и усы торчат,
Сапоги, из замши пошитые,
Богатырским под стать ногам,
Стрелы острые и ядовитые
Наполняют его ятаган.
С мордой львиною пряжка пояса,
Ствол рогатины лапами сжат,
Смелость духа и мощь его голоса
Всех зверей в округе страшат.

Сюань-цзан опустился на колени и, почтительно сложив руки, кланяясь, промолвил:

— Великодушный человек, спасите меня!

Незнакомец подошел к нему, положил рогатину и, поддерживая Сюань-цзана, помог ему подняться и сказал:

— Не бойтесь, уважаемый учитель! Я не разбойник, я житель этих гор и промышляю охотой. Фамилия моя — Лю, имя Бо-цинъ, а прозвище Великий усмиритель гор. Я отправился, чтобы раздобыть парочку горных животных себе на ужин, и вот неожиданно встретил вас. Извините, что своим неожиданным появлением напугал вас.

— Я посланец императора Танов и еду в Индию поклониться Будде и испросить у него священные книги,— пояснил Сюань-цзан.— Не успел я прийти сюда, как меня со всех сторон окружили дикие звери, ядовитые гады, и я не мог идти дальше. Лишь благодаря вашему появлению звери разбежались, и мне остается только принести вам свою нижайшую благодарность за то, что вы спасли мне жизнь!

— Мой дом недалеко отсюда,— промолвил охотник,— живу я тем, что охочусь на диких зверей. Звери боятся меня и потому сейчас разбежались. А мы, оказывается, с вами земляки, вы ведь идете в Индию по велению Танского императора, а эти земли находятся в его владении. Бояться вам теперь нечего. Следуйте за мной. Вам и вашему коню необходимо отдохнуть, а завтра утром я провожу вас.

Сюань-цзан с радостью принял приглашение охотника и последовал за ним, ведя под уздцы коня. Когда они перевалили через гору, то вдруг услышали свирепое рыканье.

— Обождите немного, учитель,— сказал охотник,— когда шумит ветер, это значит, что идет тигр. Я сейчас убью его и угощу вас ужином.

Сюань-цзана обуял страх, и он не осмеливался ступить и шагу дальше. А охотник взял свою рогатину и двинулся вперед. В этот момент прямо перед ним вырос огромный тигр. Увидев охотника, он бросился бежать.

— Куда бежишь, скотина! — громовым голосом закричал охотник.

Тигр, почуяв, что ему не удрать, выпустил когти и ринулся на охотника. А охотник, взмахнув своей рогатиной, бросился на тигра, Сюань-цзан, никогда в жизни не выдавший подобных схваток, от страха в изнеможении опустился на землю.

У подножия холма между охотником и тигром завязалась отчаянная борьба.

Гнев и гнев —

Им воздух напоен, Ветер, ветер —

Стал неистов он.

Гнев и гнев —

Им воздух напоен

Богатырь

Всю мощь свою напряг,

Ветер, ветер —

Стал неистов он:

Зверь могуч,—

Ему не страшен враг!

Зверь взревел

И все вокруг потряс,

Горы, реки

Задрожали вдруг,

Звери, птицы

Скрылись вмиг из глаз,

Их сердца

Сковал немой испуг...

Богатырь вскричал —
Вскричал как волк,
Звезды задрожали
В небесах,
Небо и земля —
Весь мир умолк,
Столь велик
Перед борцами страх!

Прошло два часа, тигр стал уставать. Наконец охотнику удалось всадить рогатину зверю прямо в грудь. Зверь упал, заливая кровью все вокруг. Охотник оттащил его за уши на дорогу и как ни в чем не бывало сказал:

— Повезло! Мяса этого тигра хватит нам надолго.

Сюань-цзан был потрясен и восторженно воскликнул:

— Уважаемый охотник! Вы — истинный бог гор!

— Да что же тут особенного,— возразил охотник.— Вы напрасно хвалите меня. Мне повезло потому, что вы были здесь. Однако пойдете скорее домой. Надо содрать шкуру, а мясо мы зажарим, и я угощу вас на славу.

Держа в одной руке рогатину, а другой волоча убитого тигра, охотник вышел на дорогу. Сюань-цзан, ведя под уздцы своего коня, следовал за ним. Перевалив через гору, они увидели перед собой усадьбу. Это было поистине великолепное строение:

Вздыхалась к небу роща вековая —
Лианами стволы оплетены,
Холодный ветер мчался, завывая,
В ущельях непроглядной глубины
Кругом — нагромождения утесов.
Благоухал цветами горный луг,
Сплошной стеной зеленою вознесся

В тенистых рощах молодой бамбук.
Поместье наконец открылось взорам —
Фасад к воротам стройным обращен,
Двор огорожен глиняным забором,
Покрытым густо вьющимся плющом.
И над наполненным водою рвом
Ряд каменных мостов сооружен;
Хотя пейзаж осенний был суровым —
Он прелести особой не лишен.
Вдали клубятся тучи над хребтами,
Края дорог засыпаны листвой,
И птиц лесных не молкнет щебетанье,
И лает злобно пес сторожевой.

Подойдя к воротам, охотник оставил убитого тигра и крикнул работников. На его зов появилось несколько парней свирепого вида. Он приказал им внести тигра в усадьбу, освежевать его и приготовить кушанья.

После этого он пригласил Сюань-цзана в дом. Здесь он еще раз приветствовал своего гостя и предложил ему сесть. Сюань-цзан снова низко поклонился и поблагодарил его за то, что он спас ему жизнь.

— За что же благодарить меня,— отвечал охотник.— Ведь мы земляки.

Когда они выпили чаю, из внутренних комнат вышли две женщины: одна пожилая, другая молодая. Хозяин представил Сюань-цзану мать и жену.

— Разрешите просить вас занять почетное место и совершить перед вами полагающиеся поклоны,— сказал Сюань-цзан, обращаясь к матери хозяина.

— Вы гость, прибывший к нам издалека,— отвечала старушка,— и вам не следует утруждать себя подобными церемониями.

— Этот почтенный монах по велению Танского императора направляется в Индию, чтобы повидаться с Буддой и попросить у него священные книги,— пояснил матери хозяин.— Я случайно встретил его в горах и, когда узнал, что мы земляки, пригласил к нам отдохнуть с

дороги, а завтра мы снова проводим его в путь.

Услышав это, мать чрезвычайно обрадовалась:

— Вот и чудесно! — промолвила она. — Ведь более удобный случай трудно было найти. Завтра годовщина смерти твоего отца, и мы попросим святого монаха совершить службу и почитать священные псалмы. А потом проводим его в путь.

Следует сказать вам, что этот охотник, невежественный истребитель тигров, был очень почтительным сыном. Не успела мать договорить, как он сейчас же распорядился приготовить курительные свечи и жертвенную бумагу и уговорил Сюань-цзана остаться на день.

Время было позднее. Слуги накрыли стол и принесли несколько блюд, приготовленных из тигра. Мясо, видимо, только что сняли с огня, так как оно еще потрескивало. Все эти блюда поставили перед гостем и хозяином. Хозяин пригласил Сюань-цзана отведать угощения и сказал, что потом приготовят еще блюда. Однако Сюань-цзан, почтительно сложив руки и, благодаря хозяина, воскликнул:

— О боже милосердный! Должен признаться вам, что стал монахом почти сразу же после своего рождения и никогда в жизни не потреблял мясной пищи.

Услышав это, охотник подумал и сказал:

— Почтенный отец! А в нашем роду на протяжении нескольких поколений даже не знают, что такое постная пища. У нас, конечно, есть побеги бамбука, мы собираем грибы, разные корни, готовим бобовый сыр, но готовим все это на животном жиру. И очаг насквозь пропитан этим жиром. Как же быть? Вы уж простите меня, что по своему невежеству я предложил вам пищу, которую вам нельзя есть.

— Не беспокойтесь, почтенный хозяин, — отвечал Сюань-цзан, — кушайте сами. А я, чтобы не нарушить монашеского обета, могу дней пять совсем не принимать пищи.

— Но разве могу я допустить, чтобы вы умерли здесь с голоду! — воскликнул хозяин.

— Я так благодарен вам за то, что вы спасли мне жизнь, — сказал Сюань-цзан, — гораздо лучше умереть с голоду, нежели быть съеденным тигром.

— Да что тут говорить, — вмешалась в разговор мать хозяина. — Я могу предложить нашему гостю постную пищу. — И она тут же велела снохе принести небольшой котел, выжгла на огне все остатки масла, а затем хорошенько почистила и вымыла его. Затем наполнила котел до половины кипятком и поставила его на очаг. Сорвав листьев с горного дерева, женщина заваривала чай, потом помыла рис и приготовила овощей. Когда еда была готова, она накрыла стол скатертью и поставила две чашки.

— Прошу вас, почтенный отец, отведать кушанья,— сказала она.— Мы с невесткой сделали все, как полагается.

Сюань-цзан поблагодарил и сел к столу.

Между тем хозяин сел отдельно и принялся за мясо тигра, которое ему подали без соли и всяких приправ. Кроме того, перед ним были блюда с олениной, мясом змеи, лисы, кролика, а также куски сушеной оленины. И вот когда хозяин совсем было приготовился приступить к еде, он услышал, что Сюань-цзан, сложив руки, что-то говорит. Охотника это так поразило, что он отложил в сторону палочки для еды и поспешно встал рядом с Сюань-цзаном. Между тем Сюань-цзан произнес всего лишь несколько фраз и сказал, что можно приступать к еде.

— У вас какие-то очень короткие псалмы,— удивился хозяин.

— А это не псалом,— ответил Сюань-цзан, — я просто молил- ся перед едой.

— Много у вас, монахов, каких-то странных обычаев,— сказал хозяин.— Даже перед едой вы читаете молитвы.

Когда они поели, время было уже позднее, и хозяин предложил гостю посмотреть его усадьбу и повел его из центрального помещения по дорожке в хижину, крытую соломой, позади дома. Стены ее были сплошь увешаны луками, пращами, колчанами со стрелами и другим оружием. На балке висели две свежие, еще окровавленные шкуры. Вдоль стены в стойках были расставлены пики, мечи, рогатины. Посредине стояли два кресла. Хозяин предложил гостю присесть. Однако Сюань-цзан от одного лишь вида этих ужасных, вызывающих у него отвращение вещей, почувствовал себя плохо и, не в силах задерживаться здесь, вышел наружу. Они пошли дальше и очутились у беседки в саду, где все вокруг поросло кустами золотистых хризантем и кленом с багряными листьями. Вдруг послышался шум и из-за кустов выскочило более десятка откормленных оленей и стадо желтых косуль. Приход людей несколько не спугнул их, и они свободно разгуливали по лужайке.

— Это ваши питомцы? — спросил Сюань-цзан.

— Да,— подтвердил охотник.— Жители Чанъаня копят деньги и ценности, крестьяне делают запасы зерна, а мы, охотники, должны иметь прирученных животных на черный день.

Пока они беседовали, совсем стемнело, и они вернулись домой отдыхать. На следующее утро собралось все семейство охотника. Для гостя приготовили трапезу и попросили его совершить богослужение. Сюань-цзан вымыл руки, вместе с хозяином дома возжег благовонные свечи перед домашним алтарем, затем, совершив поклоны, начал бить в барабан, имеющий форму рыбы. Он прочитал молитву об очищении уст от грехов, затем об очищении души. После этого он раскрыл книгу и прочел псалом о спасении души. Тогда охотник попросил его написать на полоске бумаги молитву о спасении душ умерших, и Сюань-цзан громко и внятно прочел гимны из сутры Алмазного резца и сутры Гуаньинь. После этого моления был устроен обед, а затем Сюань-цзан снова прочел несколько гимнов из сутр Лотоса и Амитаба, далее прочел

гимн из сутр Павлина и рассказал историю о том, как Будда помог бедному человеку, посвятившему себя самосовершенствованию. С утра до позднего вечера они возжигали благовония, сжигали сделанных из бумаги жертвенных животных, а также поминания о душах усопших с написанными на них молитвами. Когда моления были закончены, все разошлись на покой.

Надо вам сказать еще о том, что душа отца охотника после смерти попала в преисподнюю, благодаря молитвам освободилась оттуда и в эту ночь явилась во сне всем членам семьи и сообщила им следующее:

— Моя душа после смерти попала в преисподнюю, где претерпевала всяческие мучения и была лишена возможности перерождения. И вот сейчас благодаря молитвам этого благочестивого монаха моя душа очистилась от всех грехов, и Владыка преисподней Янь-ван отправил ее с провожатым в Китай для того, чтобы я перевоплотился в новорожденного ребенка богатого землевладельца. Не жалейте ничего, чтобы достойно отблагодарить почтенного священнослужителя. А теперь я ухожу.

Был величествен и могуч —

Будде в жизни он подражал,

Приношения делал предкам,—

Часа смертного избежал!

На следующее утро вся семья проснулась, когда солнце уже взошло на востоке. И вот жена охотника, обращаясь к мужу, промолвила:

— Тай-бао, сегодня во сне ко мне явился твой отец. Он рассказал о том, что долгое время терпел в преисподней мучения и никак не мог возродиться к новой жизни. И вот благодаря тому, что духовный отец совершил богослужение, теперь ему отпущены его грехи, и Владыка преисподней Янь-ван отправил его душу с провожатым в семью богатого землевладельца в Китай, чтобы он перевоплотился во вновь рожденного. Он велел достойно отблагодарить священнослужителя и после этого исчез. Я хотела оставить его, звала, но все напрасно. Проснувшись, я поняла, что это был всего лишь сон.

— Мне приснилось то же самое,— сказал охотник.— Пойдем расскажем матери.

Но мать опередила их.

— Сынок,— сказала она,— иди-ка сюда. Мне надо кое-что тебе рассказать.— И когда они подошли, мать, сидя на кровати, продолжала: — Сынок, мне приснился сегодня очень хороший сон. Я видела, будто к нам приходил отец и рассказал о том, что благодаря молитвам почтенного монаха ему сейчас отпущены все грехи, и он перевоплотится в новорожденного в почтенной семье в Китае.— Охотник и его жена выслушали ее и рассмеялись.

— Мы видели то же самое,— сказали они.— И только было хотели рассказать тебе об этом, как ты позвала нас.

После этого собралась вся семья и, окружив паломника, стала сердечно благодарить его. Затем Сюань-цзану оседлали коня, собрали вещи и, кланяясь, говорили ему:

— Мы глубоко признательны вам, почтенный отец, за то, что вы помогли возродиться душе нашего покойного отца и не знаем даже, как отблагодарить вас за это.

— Я не сделал ничего особенного, зачем же так усердно благодарить меня? — отвечал Сюань-цзан.

Однако, когда хозяин рассказал Сюань-цзану, что трое из их семьи видели один и тот же сон, он остался очень доволен. Хозяева приготовили гостю завтрак и преподнесли ему в благодарность один лян серебра, но Сюань-цзан, несмотря ни на какие уговоры, решительно отказался от денег и только сказал:

— Если бы вы были так добры и проводили меня один переход, это было бы для меня вполне достаточным вознаграждением. Тогда женщины поспешили испечь лепешек и сказали хозяину, чтобы он проводил Сюань-цзана. Сюань-цзан с благодарностью принял лепешки, а хозяин, в сопровождении нескольких парней, вооружившись охотничьим оружием, отправился провожать Сюань-цзана. Когда они вышли на дорогу, перед ними раскрылся горный пейзаж неописуемой красоты.

К полудню они подошли к высокой горе. Вершина ее, казалось, упиралась в небо. Здесь было много суровых ущелий и скал. Охотник начал легко взбираться на гору, как будто шел по ровной земле, а Сюань-цзан в это время только подошел к подножью. И вот, когда они достигли половины горы, охотник остановился, и, обращаясь к Сюань-цзану, сказал:

— Здесь, почтенный отец, я должен проститься с вами. Вы идите, а мне нужно возвращаться домой.

Услышав это, Сюань-цзан поспешно сошел с коня и сказал:

— Я очень прошу вас проводить меня еще один переход. — Вам неизвестно, конечно, почтенный отец, что эта гора называется Горой двух границ. Восточная ее часть входит во владения великих Танов, а западная — принадлежит татарам. Тигры и волки на той стороне уже неподвластны мне. Да к тому же я не имею права переходить границу. Так что дальше вам придется идти одному.

Сюань-цзан в отчаянии ломал руки и, ухватившись за одежду охотника, едва сдерживал слезы.

И вот, когда они стали прощаться, не в силах расстаться друг с другом, из-под горы прогремел

голос:

— Учитель пришел! Учитель пришел!

И Сюань-цзан и охотник от изумления замерли на месте. Но, если вы хотите узнать, чей это был голос, прочтите следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/286401>